

# ЧИНГИС-ХАН: КОНЕЦ МИФА О ТРИУМФАТОРЕ

М.Г.КРАМАРОВСКИЙ

Даши Намдаков

## 2

Современный Лондон — притягательное место в этой жизни. Здесь находят приют и владельцы стометровых яхт, и бездомные, грезящие о комфорте на садовой скамье. Что же объединяет столь разных людей? Полагаю, вера в новые возможности. Но не менее — самоидентификация в рамках одной цивилизации — городской. Следует ли из этого, что традиционным обитателям Сити, Вестминстера или Ист-Энда чужда или незнакома культура кочевников степной Азии? — Разумеется, нет.

Ментально всадническая культура степей горожанам, увы, не близка, но для круга интеллектуалов, безусловно, в чем-то и знакома. Ее доступность обеспечивается не только переводами на европейские языки основных исторических источников, в том числе «Тайной истории монголов» (1240 г.), но и увлекательными поисками археологов и историков. Не следует исключать и значения деятельности всемирно известных музеев — Британского или Виктории и Альберта, чьи коллекции XIII–XIV вв. дают широкую панораму культуры народов Китая и Центральной Азии. Узкий круг ценителей знает еще и замечательные памятники этой эпохи из частных лондонских собраний Насера Дэвида Халили и Эдмунда де Унгера.

Традицию элитарности нарушил Даши Намдаков.

Намдаков создал для миллионов жителей Лондона конную статую героя, олицетворяющего саму сердцевину номадизма — бронзового Чингис-хана. Место, которое выбрано для нее, хорошо знакомо горожанам. Это открытый лондонскому небу партер с цветником и неизменно зелеными газонами у Камберленд-гейт, что на выходе из Гайд-парка в районе Мраморной арки<sup>2</sup>. Зри-

# 3

телю еще предстоит оценить профессионализм архитекторов в поисках гармонии сквера и едва ли не пятиметрового (без постамента) монумента<sup>3</sup>. Но и так ясно, что в этом месте композиция Намдакова по остроте выразительности и пластической мощи может соперничать лишь с архитектурой Мраморной арки (как «Медный всадник» Фальконе с растворенным в зелени древесных ветвей Исаакиевским собором в Петербурге). Примет ли намдаковского Чингис-хана Большой Лондон?

Исторически еще со времени средневековья британцы знакомы с кочевниками-монголами более по слухам. Самое раннее английское известие о приходе монголов в европейскую зону степей датируется под 1238 г. и содержится в Анналах цистерцианского монастыря в Мельрозе (Южная Шотландия). В Кембриджском списке «Деяний королей» (Corpus Christi College), относящемся ко второй половине XIII века, о монголах можно прочесть: «Бесчисленное множество варваров, нахлынувших с востока, все королевства, вплоть до Венгрии и России, невзирая ни на образ жизни, ни на вероисповедание, равнодушно уничтожило. Они тартарами (т.е. выходцами из Тартара — М. К.) зовутся».

Цель очерка двойка — дать представление о личности героя Даши Намдакова (пусть и не слишком подробно) и попытаться охарактеризовать скульптурное решение образа Чингис-хана с позиции классической триады — исторического, эпического и художественного содержания с точки зрения ученого-археолога.

По одной из версий Темучжин — таково настоящее имя героя — родился в 1155 г. С этим именем он прожил 52 года, пока на курилтае (сейме) на реке Онон (Юго-Восток Забайкалья) не был провозглашен Чингис-ханом (Океан-ха-

## 4

ном). С этим именем он прожил еще 21 год и умер в 1227 г. на территории современной китайской провинции Ганьсу; после похоронен в Монголии.

Имя «Темучжин» (Темучин) означает «кузнец» и является производным от слова *tömür*, «железо». Свое имя сын Есугай-бахадур и Оэлун-Фучжин унаследовал от Темучжина-Уге, воина из числа татар, плененного его отцом. И хотя в реальной жизни Темучжин никогда не был кузнецом, в тангутской ритуальной песне начала XIV в. его имя приводится как «Кузнец Гром», что, безусловно, больше соответствовало его социальной сущности, чем человеческой. Не забудем, что Чингис-хан вошел в память тангутов как враг, осуществивший пять воинских походов против государства Си Ся. Но еще до войн с тангутами в монгольской среде сложился миф о железной стойкости народа во главе с предводителем-кузнецом. В XIII столетии, по сообщению Рашид ад-дина, здесь даже отмечался специальный праздник, основанный на древнем предании о том, что монголы, запертые в горной долине, вышли на степной простор, расплавив горный склон. А уже около середины XIII в. из формуляра письма великого хана Мункэ (1251–1260) к французскому королю Людовику IX мы узнаем, что Темучжин-Чингис-хан для монголов является «сыном Бога». Вот эти строки, как они приведены в отчете монаха-минорита Гильома де Рубрука, близкого к Людовику IX и его матери, просвещенной Бланке Кастильской: «Заповедь вечного бога — на небе есть лишь Бог единый и вечный, на земле да не будет иного владыки, кроме Чингис-хана, сына Бога, Демучин Чингая, что означает «звон железа», потому что он был кузнецом, и они, вознесясь в гордости, именуют его не иначе, как сыном Бога» 5. Как мы видим, путь от человека, наделенного метафорическим именем «кузнеца Грома», к культурному герою, получившего титул «Океан-хана» и даже высшее признание

# 5

«сына Бога», пройден за феноменально короткий отрезок времени — практически за несколько десятилетий.

И случилось это уже при жизни первых поколений ветеранов еще до выхода монголов в европейскую зону степей 4. Начало жизненного пути Темучжина складывалось куда как более прозаично и жестко.

В двенадцать лет Темучжин потерял отца, отравленного на пиру у татар, не простивших удачливому воину нанесенного им поражения. Отца, как мы уже знаем, звали Есугай, что означает «девятый» (в семье), и принадлежал он к племени кият-бурджигин. Значение слова «бурджигин» — «синеглазый». Потомки Есугай-бахадур были синеглазы и рыжиб, и, по легенде, переданной Рашид ад-дином, голубые глаза и рыжие волосы признавались монголами знаком царской власти.

Темучжин был впервые избран ханом части монголов в тридцать пять лет. К этому времени ему пришлось пережить немало невзгод, включая плен у племени тайчиут, некогда предавших семью Есугая. Трудно начиналась и семейная жизнь: в 1175 г. его беременную первенцем жену захватили в плен меркиты. Освободить Борте, родившую ему Чжочи (Джучи), будущего основателя династии Джучидов, возглавившей Золотую Орду — крупнейшего государства монголов, чьи владения простирались от Иртыша в Сибири до Дуная на Балканах, удалось лишь спустя год. Судьба старшего сына оказалась не слишком счастливой, и он умер сорокалетним еще при жизни отца. Три других — Чагатай, Огодай (Угедей) и Тулуй, как и Чжочи, были возвращены для воинского ремесла, но только Огодаю, окончательно завоевавшему Северный

## 6

Китай и аннексировавшему Корею, удалось после смерти отца почти на полтора десятка лет удержаться на великоханском престоле (1227–1241 гг.). Вторая интронизация Темучжина состоялась в 1206 г., когда великий курилтай на реке Онон провозгласил его Чингис-ханом. С этого времени с именем Чингиса оказались навсегда связаны символы императорской власти и прежде дзвятибунчужное (девятихвостое) белое знамя<sup>7</sup>, зонт (красный или желтый) и трон — «седалище радости», «украшенный головами драконов, обложенных золотом»<sup>8</sup>. Сейчас археологи располагают большой серией каменных статуарных изображений из восточных районов империи, где изображены сидящие на походном стуле представители монгольских элит XIII–XIV вв.<sup>9</sup> Это означает, что не конный всадник, а нойон — обладатель «седалища радости» с кубком в руке, и есть изначальный иконографический тип репрезентативного монгольского портрета. Конструктивно оба типа тронов (стационарные и походные) восходят к прототипам киданьской эпохи X–XII вв. и по существу определяются китайской традицией. По-видимому, вершину этого официального стиля на сегодняшний день являет собой бронзовая фигура Чингис-хана, установленная в Парламенте Монголии (2006 г.). Констатация зависимости иконографии монгольского «парадного портрета» от китайского прототипа приводит нас к парадоксальному наблюдению: чингисидская эпоха, всадническая по природе, не знает иконографии конного правителя, поскольку у номадов конское седло — средство, а трон — «седалище радости» — высшая сакрализованная цель. Притом, что фольклор и эпика бескомпромиссно на стороне героя-всадника. Из этого следует важный вывод: намдаковская трактовка героя следует фольклорной модели. Это единственно верная для данного случая иконография определяет главное — эпическую глубину внутреннего конфликта героя, вступившего в диалог с силами Неба.

# 7

Сейчас общепризнано, что единственным источником особой благодати и харизмы Чингиса было Вечное Небо, даровавшее ему ханский престол. Согласно этой концепции хан, следуя велению Неба, стал как бы его представителем на земле. Можно думать, что в этой формуле и сосредоточено зерно эпического содержания образа нашего исторического героя, предопределившее необходимые изобразительные средства для его характеристики.

Исследователи выделяют по текстам наличие двух видов благодати у Чингис-хана и его преемников: «силы» — «кючю» и особого вида благодати — «су». Посредником между Чингис-ханом и великим Вечным Небом стал Кочучу, Тэб-Тенгри — «Самый Небесный» шаман, освятивший на великом курултае власть Темучжина над монголами и впоследствии казненный как участник интриги против патрона.

В основе традиционного монгольского понимания сакральной власти «каана» (великого хана) лежит древнетюркская традиция VI–VII вв., в которой наше внимание привлекает глава гунно-тюркского пантеона — главный небесный бог Тенгри-хан. Согласно текстам орхонских надписей, декларирующих небесное происхождение каганского рода, тюркский мифологический цикл является стержнем общеимперского культа тюркского каганата. Ханы-чингисиды, судя по формулярам верительных документов (пайцз), источник сакральной власти видели в «Силе Вечного Неба». Апелляцией к «Силе Вечного Неба» обозначено начало стандартной формулы на печати великого хана Гуюка, удостоверяющей послание 1246 г. к папе Иннокентию IV<sup>10</sup>. О роли Неба в легитимизации власти в степной среде Евразии существует немало документов.

Но нельзя не учитывать, что в какой-то степени концепция власти хана или верховного правителя напоминает не только представления о власти поздних китайских императоров, на чем настаивают синологи. Археологические материалы из раскопок первой трети XX в. в урочище Пазырык свидетельствуют, что эта традиция восходит к представлениям древних кочевников Центральной Азии и Горного Алтая начиная, по крайней мере, с VII–IV вв. до н.э.

Мы еще вернемся к линии сакральной связи верховного властителя с Вечным Небом при интерпретации некоторых черт в образе конной статуи работы Намдакова, но сейчас уместно привести немногочисленные исторические и литературные сведения о физическом облике Чингис-хана.

Нам известны два типа свидетельств о его внешности. Первый — поэтико-мифологический, отраженный в «Тайной истории». Эти «характеристики» типа «во взгляде — огонь, а лицо — что заря» носят скорее сакральный характер и мало говорят о человеке. Другой тип свидетельств восходит к современникам Чингиса. Китаец Чжао Хун, который едва ли был допущен к великому хану, оставил его описание с чужих слов: «Что касается татарского владетеля Тэмучжина, то он высокого величественного роста, с обширным лбом и длинной бородой. Личность воинственная и сильная»<sup>11</sup>. Мусульманин Джузджани, наблюдавший Чингис-хана в Хорасане, когда последнему было уже крепко за шестьдесят, записал: «Чингиз-хан отличался высоким ростом и крепким телосложением. Имел кошачьи глаза».

А вот «литературный портрет», принадлежащий перу автора первой половины XX в. — писателя В. Г. Яна, пользовавшегося еще консультациями знаме-



нитого академика В. В. Бартольда: «Махмуд Ялвач (монгольский правитель Трансоксианы — М. К.) поднял голову. Он увидел строгое темное лицо с жесткой рыжей бородой. Две седые скрученные в узлы косы падали на широкие плечи. Из-под лакированной черной шапки <...> пристально всматривались зеленовато-желтые глаза. <...> Он высокого роста, и, хотя ему уже больше шестидесяти, он еще очень силен. Тяжелыми шагами и неуклюжими ухватками он похож на медведя, хитростью — на лисицу, злобой на змею, стремительностью — на барса, неумолимостью — на верблюда, щедростью к тем, кого хочет наградить, — на кровожадную тигрицу, ласкающую своих тигрят. У него высокий лоб, длинная узкая борода и желтые немигающие, как у кошки, глаза». Мстительность и жестокость, неумолимость к врагам и преданность друзьям, способность ценить правду и не утраченное чувство благодарности, требование верности на службе государю и щедрость — вот неполный перечень черт его противоречивого характера. «...Чингис-хан вошел в историю как беспощадный завоеватель, — отмечал монголист П. Рачневский. Его завоевательные походы принесли смерть и гибель бесчисленному количеству людей, уничтожили невосполнимые культурные ценности. Но было бы несправедливо судить Чингис-хана с высоты наших столетий. Его поступки определялись жестокими законами степи, которая не знала жалости к врагу. Его дела вершились в военной области. Своими успехами он был обязан не столько своим воинским дарованиям, сколько искусной политике и своим организаторским способностям».

По данным «Юань ши» («Истории династии Юань») и свидетельству персидского историка Рашид ад-дина, Чингис-хан скончался от болезни при завершении пятого тангутского похода. Некоторые источники причиной его смерти назы-

вают малярию. Это случилось в начале осени 1227 г., незадолго до падения столицы тангутского государства Си Ся города Чжунсина. В тангутской среде родилась и другая квазиромантическая версия его смерти. Виновницей смерти Чингиса эта версия считает жену правителя тангутов Гурбэлджин Гоа-хатун. Согласно местной легенде, Чингис-хан овладел Гурбэлджин, в то время как хатун «...к потаенному месту своему прижав щипцы, тайному месту (наильника — М. К.) вред причинила». Есть, впрочем, и другие легенды — таковы законы эпика. По одной из них смерть настигла полководца в Ордосе у реки Чжамхак, что на территории автономного района Внутренней Монголии. Сейчас это место отмечено величественным мавзолеем и статуей.

Обратимся теперь к художественному содержанию лондонской композиции. Здесь конь и всадник, как следует персонажу героического эпоса, неразделимы и величественны. Оба застыли на краю бездны. Речь, вероятно, должна идти о некой грани между жизнью земной и небесной. Но печати ужаса у нашего героя нет. Фигура всадника впаяна в седло как это может быть только у человека, в нем же, что приписывают номадам, и родившемся. Грузная фигура бородатого всадника облачена в воинские доспехи. Его руки широко расставлены, как это бывает у человека в момент поиска физического равновесия или глубокого размышления. Руки приподняты и свободны: в них нет ни оружия, ни конского повода. Тонкие кисти раскрыты в неопределенном движении, как бы подчеркивающим состояние умиротворения и глубокой медитации (этот жест найден художником уже в фигуре сидящего Чингис-хана работы 2003 г.). Немолодое лицо героя скорее напоминает застывшую маску, схожую в отдельных чертах с лицом Будды. Чеканный профиль и опущенные веки глаз лишь усиливают состояние сосредоточенности и полной отрешенно-

сти героя, глубоко погруженного в самого себя. Вместе с тем, черты зрелого героя и воина (но отнюдь не счастливого обладателя трона) дополняет фигура верного спутника номада — коня.

Лошадь монгольская — небольшая с крупной головой. Обычно высота в холке такого коня до 129 см; длина туловища 134–151 см. Своеобразие климатических условий отдельных районов Центральной Азии привело к формированию ряда типов породы (отродий), различающихся по промерам, телосложению, назначению. Есть, однако, и объединяющие особенности экстерьера: плотная короткая шерсть на туловище, обильная грива и хвост (как и в нашем случае). Как правило, шея монголки короткая, но мощная и широкая, холка чаще низкая, линия спины ровная, прогнутая, копыта с крепким рогом, позволяющие совершать любые переходы и зимнюю тебеневку (т. е. добывать под снегом траву). Для монгольской лошади верхового типа характерна большая косая длина туловища, индекс формата превышает 105%, что, по признанию специалистов, отличает монголку от других пород. Подчеркнуто увеличенный обхват груди коня нашего героя, может быть, и несколько нарушает представления о морфологии монгольской лошади, но как выразительный прием, несомненно, допустим. Тем более, что ее грудная клетка поставлена низко, а круп удлинен. Все эти черты экстерьера (стоит только обратить внимание на выразительные детали крупной головы) хорошо согласуются с природой монгольского коня, переданного скульптором в совершенной гармонии и полноте объема ее видовых признаков. Характерные особенности монгольской лошади предопределили тактику ведения степного боя, что, в свою очередь, нашло отражение в ее снаряжении. В данном случае, богатырский конь (как уже отмечалось) лишен узды, что, по-видимому, должно усилить метафору чу-

десного слияния всадника с конем-другом. Не случайно в большинстве эпических историй имени героя сопутствует имя коня: Хонгор и Лыско в калмыцком «Джангаре», Алпамыш и Байчибар в шейбанидском «Алпамыше» и т.д. Звучные имена носят и кони монгольских героев «Сокровенного Сказания». Имя коня золотоордынского хана-объединителя Токтамыша — Хаздергас (конь удачи). Элементы конского убора у Намдакова — не просто реалии. Золотой нагрудник с изображением птицы (вероятно, сокола) — это еще и значимый символ — «сульдэ» (т.е. дух-хранитель монгольского рода кият, с которым связано происхождение Тэмучжина). Тип жесткого седла, укороченные стремяна, чепрак (покрывало под седло) и накрупник переданы с археологической убедительностью. А в декоре чепрака, подпружного ремня и накрупника «прочитываются» характерные «степные» сюжеты и орнаменты нисколько, впрочем, не разрушающие цельности образа богатырского коня, вскормленного, по версии тюркского эпоса, львиным молоком.

Поражает только одна, но важнейшая деталь: конь передан в состоянии абсолютной статики. Больше того — он не в силах сделать и шага! Задние ноги коня расставлены так, что создается впечатление его полного бессилия — кажется, еще мгновение, и могучий конь рухнет. Напряжение, заложенное мастером в обе фигуры, — всадника и его коня — прочитывается зрителем как предельное физическое состояние, вызванное духовным общением героя с высшими силами, вероятно, Небом, источником благодати и харизмы исторического Чингис-хана. Это впечатление передается пластикой синхронного «парения» головной повязки всадника и прядей конской гривы. Нельзя, впрочем, не заметить, что, насколько известно по историческим свидетельствам, диалог с Небом монгольские ханы осуществляли спешенными, простоволосыми, от-

крыв голову небесам и сняв парадный пояс. Сама же сцена моления не имеет изобразительной традиции.

Если художник и реанимирует этот потерявшийся в веках обряд, то воплощает его в формах, скорее характерных для древнего искусства номадов скифской эпохи. Обильная конская грива, собранная в парящие жгуты, напоминает большие ветвистые рога конских масок скифов с кожаными нагривниками в виде резной деревянной головы оленя (Эрмитаж, 2-ой Пазырыкский курган, раскопки М. П. Грязнова). Самые яркие открытия последнего времени — фигуры золотых оленей из 1-го Филипповского кургана на Южном Урале (раскопки археолога А. Пшеничука, IV в. до н.э.)<sup>15</sup> с рогами в форме «древа жизни», и пазырыкские конские уборы, дают наглядное представление об истоках вдохновения Даши Намдакова. Подчеркну: важнейшим и обязательным компонентом образной системы в авторской интерпретации героя остается высокое синее Небо.

И все-таки, если задаться вопросом об основной идее скульптурной композиции, посвященной Чингис-хану, я сформулировал бы ее как идею конца героического мифа о триумфаторе (иконография триумфатора исключает размышление), но, разумеется, не эпического героя.

Триумфатор заканчивается в герое именно в тот момент, когда ощущение индивидуального бессилия приводит его к необходимости утверждения в чем-то, лежащем за пределами его личности, в чем-то высшем. Небе, например. Варианты: Земля, Луна, Солнце. В минуты сомнения мыслящий герой становится как бы равным человеку. Не стану утверждать, что конная фигура всадни-

ка-вождя, такая земная и вечно- грубая, готова раствориться в пространстве. Важно подчеркнуть, что сама аллюзия сомнения эпического героя в собственных силах, необходимость в его диалоге с силами Неба, поселяется в зрителе благодаря мысли, посланной нам художником. Такого Чингис-хана мировая культура еще не знала.

Хватит ли у Лондона высокого синего Неба, без которого образ монгольского эпического героя не может состояться, вот в чем вопрос.

